

Жон проснулся в незнакомой обстановке.

Инстинкты, приобретенные за годы жизни в опасности, сделали это пробуждение не самым приятным процессом. Его глаза не открылись, как они могли когда-то, но вместо этого оставались закрытыми, пока он прислушивался. Он лежал на кровати — мягкой и теплой, поверх было накинуто одеяло. Под головой оказалась подушка, и краткая проверка показала, что его руки свободны и не связаны. Нос дернулся. В воздухе не было особо заметного запаха, но витал легкий флёр сосновой смолы и восковых свеч.

В конце концов, когда он убедился, что ситуация не опасна, Жон открыл глаза. Он был один, *Strosea Morgs* — в пределах досягаемости, и его доспехи прислонены к краю деревянного шкафа.

Разве он не был в лодке? Жон мог вспомнить океан и Гриммлэнд на горизонте; он использовал мотор, чтобы дрейфовать через море к Вакуо. Он вспомнил шторм... Остальное было туманным. Слишком туманным. Не нужно быть гением, чтобы заполнить пустые места — тем более, что себя он ощущал, как после пребывания в стиральной машине.

— Думаю, это было не совсем подходящее судно для открытого океана. Ну, по крайней мере, я всё ещё дышу.

Кто-то, должно быть, нашел и спас его — сделал Жон очевидный вывод из заботы и внимания, уделённых ему. Ему пришлось напомнить себе, что это не будущее, где доверие было в дефиците, и все считали всех остальных возможной угрозой. Прошлое было добрым местом, где люди противостояли Гримм — и мало чему другому. Большинство людей помогли бы человеку, нуждающемуся в помощи.

Удовлетворив свою паранойю и найдя средства для борьбы, Жон позволил себе лучше осмотреть довольно маленькую комнату, в которой он находился. Она была деревянной — с необычайно узкой, выгнутой вверх крышей — а в стенах было встроено несколько полок, ящиков и скрытых шкафов. Казалось, всё спроектировано таким образом, чтобы уместить как можно больше в маленькое пространство, а рулоны ярких ковров, сложенных на краю кровати, скрывали несколько прекрасных керамических изделий, каждое из которых было связано тонкой веревкой и аккуратно уложено на своё место.

Голоса извне известили Жона, что он не одинок — если тот факт, что о нём заботились и дали отдохнуть, ещё не был достаточно убедителен. Он глубоко вздохнул и подавил панику. Если бы это была опасная ситуация, он бы проснулся в гораздо худшем положении. Несмотря на это, он пока не мог доверять своим щедрым благодетелям. Пришло время представиться.

Он встал с кровати и осмотрел себя. Его разорванную и порезанную толстовку заменили коричневой туникой на несколько размеров больше, сделанной из очень тонкого и воздушного материала. Брюки были заменены такими же, а его старых нигде не было видно. Он поднял свой меч, но оставил доспехи, подошёл к маленькой двери в конце узкой комнаты и прошел через неё.

На улице было темно и невыносимо холодно. Комната, в которой он находился, была на несколько футов выше, чем ожидалось, и деревянные ступеньки, ведущие к песку внизу, показали, что это крытая повозка или фургон. Он оказался одним из многих, каждый из которых был ярко раскрашен и располагался в неровном кругу вокруг костра, горевшего в центре. Были также палатки — их было около шести — и между ними двигались мужчины и женщины в платках, капюшонах и с копьями.

Похоже, его нашло какое-то племя или караван, и, судя по одежде и песку под ним, он был в Вакуо. Оружие, которое носили эти люди, не испугало его, так как здесь была территория Гримм, и только идиот путешествовал бы без оружия. Вероятно, поэтому они оставили оружие и ему. Один из мужчин племени заметил его, встал на ступеньках перед песком и прошептал несколько слов другому. Второй наклонился, и Жон настороженно смотрел, как подходил первый мужчина. Хотя он не показал этого, он был готов к бою, и, хотя этот человек тоже был дружелюбным, его пальцы крепко сжали рукоять копья.

— К луне и звездам ты проснулся, незнакомец, — сказал мужчина. Он держал копье направленным в небо, давая понять, что не намерен атаковать. Ткань, обёрнутая вокруг его головы и рта, успешно скрывала лицо, открывая взгляду лишь небольшие участки. Однако его карие глаза выделялись на темнокожем лице, а наряд и манеры давали понять, что он привык жить в пустыне.

— Как я понимаю, я в Вакуо? — спросил Жон.

— Ты в Великой Пустыне, — человек жестом указал копьем на огромные дюны, простирающиеся по всем направлениям. — Влажноземцы могли бы называть эту пустыню своей собственностью, но кто может претендовать на власть в таком месте? Я мог бы назвать это место моим, и это так же будет правдой.

Ему ответили загадкой — но, тем не менее, ответили — и, по крайней мере, этот человек говорил с дружелюбием в голосе. Жон приветственно кивнул.

— Кто вы? Меня зовут Жон. Жон Арк.

— Кирие! — мужчина сплюнул это, как проклятие, и у Жона было чувство, что это не имя. — Я опозорился, что не назвал тебе имя, прости меня. Я Асол, сын Амона, и лидер Дель-Ашари, племени, которое ты видишь перед собой. — Он сплел руки перед собой, держа копье вертикально, и поклонился в пояс. — Я приветствую тебя в нашем караване, незнакомец. Да будет твоя жажда утолена, а бремя — уменьшено.

— Я... — Жон, как мог, изобразил поклон. — Спасибо? Извините, я не совсем уверен, каков правильный ответ.

— Достаточно твоей благодарности. Проходи... — Асол жестом велел ему следовать, и Жон спрыгнул вниз, оставаясь рядом с ним, пока они шли к костру в центре, где несколько маленьких детей играли в песке и бросали палки в цель. Это выглядело почти как игра, предназначенная для тренировки или проверки точности. Некоторые из женщин и пара

мужчин были заняты приготовлением пищи, в то время как другие занимались своими собственными делами: заходили в свои повозки и выходили из них, или даже ремонтировали сломанные колёса и оси. Разговор был громким и естественным, несколько расслабляя его, и когда Асол провел его через них, Жон заметил, что его рука отклоняется от рукоятки оружия.

Некоторые мужчины — воины, по большей части — кивнули в знак уважения к Асолу и ему, что было неожиданно. Возможно, дело было в том, что он тоже носил оружие, или что у него было тело Охотника. В конце концов, Асол привел его к палатке и смело вошел в неё, откидывая полог. Внутри было разложено несколько подушек, и Асол сел на одну, предлагая Жону занять другую. Он так и сделал, неловко переместив свой вес и положив меч рядом с собой, в пределах досягаемости, всё ещё не до конца доверяя окружению.

— Должно быть, Луна ниспослала тебе удачу, раз ты выжил в этих далеких землях, Жон Арк. Моя жена нашла тебя сломанным и наполовину утонувшим — выброшенным на берег, по крайней мере, в сотне миль от любых поселений, — Асол сделал паузу, чтобы налить немного сладко пахнущей воды в два кубка. Он протянул один Жону и пригубил свой. — Моя сладкая привела тебя сюда и подлатала твоё тело, как могла. Её сердце пело, когда она узнала, что ты пережил день.

Таким образом, в итоге его выбросило на берег. Похоже, его удача опять спасла его. Тем более, что его смогли подобрать мимохожие люди. Он определенно достиг Вакуо, как бы пустыня ни отрицала этого. Он никогда не посещал её сам, но слышал кое-что от Сана — особенно о том, сколько людей, живших здесь, всё ещё следовали старым путям.

— Спасибо, Асол. И вашей жене передайте мою благодарность. Есть ли способ, которым я могу отблагодарить вас?

— Добрые дела в одной жизни вознаграждаются добром в следующей, — сказал мужчина, качая головой. — Моя Инесса была бы глубоко оскорблена, если бы ты попытался отплатить ей. Достаточно того, что ты живешь.

— Вы очень щедрые люди.

— Это путь пустыни, друг мой. Те, кто не объединяются, не выживают долго. Наши воины будут охранять слабых и немощных всю ночь, а те, кто не могут сражаться, помогут производить товары для торговли. В утреннем свете я возьму с собой копье и буду охранять караваны весь день.

— Это торговое племя?

— Дель-Ашари занимается многими вещами, но мы в первую очередь воины. Однако мы не нападаем на слабых. Мы охраняем деревни и убиваем Гримм, и получаем вознаграждение безделушками, которыми и торгуем в Вакуо и Академии Шейд, — он ухмыльнулся и ударил кулаком в грудь. — Это хорошая жизнь для хороших людей. Мы также подбираем таких незнакомцев, как ты, и других, которые уступают пустыне, и прилагаем все усилия, чтобы

вернуть их к жизни.

— Собираетесь ли вы в Вакуо в ближайшее время? — спросил Охотник. — Мне нужно попасть туда, чтобы я мог добраться до башни ССТ и связаться с моими друзьями. Им будет интересно узнать, где я.

— Боюсь, наш путь не будет пересекаться с Вакуо ещё несколько недель, и тебе придётся пройти этот путь в одиночку.

— Похоже, что так. Мне нужно вернуться в Вейл.

— Я вижу в тебе дух воина. Так ли это?

— Я Охотник, — хотя это было спорно. В прошлом он провёл больше времени, сражаясь с людьми; они могут быть более жестокими, чем любой другой монстр.

— Хм, — Асол кивнул и оглядел его с ног до головы. — Охотник — это тот, кто охотится за чем-то. Скажи мне тогда, Жон Арк. На что ты охотишься?

Вопрос казался невинным, но он чувствовал, что это было нечто больше. Жон сделал паузу, чтобы подумать, и ответ не заставил себя долго ждать. Образы его друзей промелькнули перед его глазами: Руби, Рен, Нора, но также и Пирра. — Я ищу лучшее будущее. За этим я и охочусь.

— Хорошо, хорошо! — Асол хлопнул себя по колену и засмеялся. — Мне нравится твой ответ, друг мой. Слишком часто я спрашиваю других об этом, и они говорят: «Гримм». Я указываю своим копьём в пустыню и говорю: «ну так почему ты здесь?» и Охотник замолкает. — Он указал жестом на свое копьё. — Эта жизнь слишком коротка, чтобы искать быстрой смерти, и нет никакой чести потратить её впустую на Гримм. Умереть ради защиты семьи, любимых или тех, кто не может защитить себя — это хорошая смерть! Не спеши охотиться на того, кто охотится на тебя. Живи вместо этого. — Он сильно ударил Жона по руке и улыбнулся. — Но ты, мой друг... Ты понимаешь это. Мое сердце радуется.

Смех мужчины был заразителен, и Жон присоединился к нему — расслабившийся и выпивший сладкой ароматной воды, в которой был слабый намек на персик и апельсин. Профессор Порт, может, и мог бы многое сказать о мудрости Асола, но он лично не видел в этом ничего плохого. Он не пытался истребить всех Гримм в мире, хотя, будь у него такая возможность, он бы это сделал. Лучше было сосредоточиться на том, что действительно важно: спасти его друзей и убить любого Гримм, вставшего на пути.

— У меня свой путь, Асол, и, хотя на нём довольно много Гримм, я могу пообещать тебе сейчас, что это не моя цель. У меня есть друзья в Вейле, в Биконе, и им нужна моя помощь, — конечно, он понятия не имел, как далеко он был отправлен назад. Возможно, у него было всего несколько недель, но так же возможно, что он вернулся на год или больше. — Асол, у тебя есть новости из Вейла? Бикон всё ещё стоит?

— Стоит ли? Друг мой, я не знаю ответ, но я не слышал о его падении, а такое могло бы вызвать серьезный отклик в мире. Увы, некоторое время мы были далеко от Вакуо. Возможно, мои новости устарели.

Это имело смысл, но не ослабило его страхи.

— А что с Вакуо? — в его времени он пал, задолго до переноса Жона. — Вы сказали, что были там какое-то время назад. Как давно это было? Там всё еще все в порядке?

— Вакуо? — Асол засмеялся. — Друг мой, Город Песков просуществовал сотни лет и, без сомнения, будет стоять ещё долго. Я ходил по его улицам месяц назад, и я прекрасно знаю, что всё в порядке, поскольку я получил посылку в племя две ночи назад, и она пришла из города.

Облегчение Жона было физически ощутимо. Улыбка расколола его лицо. Это были отличные новости — нет, это были замечательные новости. Если он вернулся к тому времени, когда Вакуо ещё стоял, это означало, что он, по крайней мере, за шесть месяцев до их роковой миссии. Чёрт — это означало, что он вернулся ещё до того, как они получили четвертую Реликвию. Впрочем, достаточно ли далеко, чтобы он мог спасти Пирру? Он не смел надеяться. Ещё нет. — Приятно это слышать, Асол. Но мне всё ещё нужно добраться до Бикона.

— Вакуо гордится наличием у себя ССТ. При помощи него ты сможешь связаться со своими друзьями в Вейле, и я уверен, что новости быстрее дойдут до города. Ты найдешь там ответы, которые ищешь — или способы их найти.

— Я понимаю. Мне нужно будет добраться до Вакуо и выяснить это. Не могли бы вы дать мне карту?

— У меня будет одна, нарисованная для тебя. Мы сделаем это завтра. Ты отдохнешь с нами этой ночью, — лидер племени сказал это, и, когда Жон открыл рот, чтобы пожаловаться, Асол осадил его. — Я не хочу слышать оправданий, друг мой. Хотя твое тело выздоровело, ты ещё не ел. Не умаляй труд моей Инессы, приняв дар жизни, который она дала тебе, и бросив его в песок.

Правдивость слов этого человека стала очевидной, когда у Жона заурчал живот, напомнив ему, что он не только не ел накануне, но что его последний прием пищи был, по иронии судьбы, когда-нибудь в будущем — возможно, через несколько недель или месяцев. В любом случае, он не был в состоянии передвигаться, тем более путешествовать в Вакуо. Мне не нужно так торопиться — подумал он. Я вернулся, чтобы изменить положение вещей, а не быть убитым из-за собственного безрассудства. Именно такое мышление отняло всех его друзей в первый раз.

— Ты прав, Асол. Для меня будет честью остаться на ночь.

Лицо мужчины просветлело. Он выдал несколько приказов тем, кто находился вокруг палатки. Вскоре после этого им была предоставлена еда, как и остальной части племени, многие из которых сидели на разноцветных коврах и громко болтали между собой во время еды.

Несмотря на то, что они застряли посреди пустыни, члены Дель-Ашари были громки и оптимистичны, махали руками и прерывались на смех, хлопая ладонями по коже, песку или глиняной посуде. Тепло от огня было долгожданным облегчением для всех, так как жаркая пустыня глухой ночью превратилась в мертвенно-холодную пустошь, и тонкие ткани мало что делали, чтобы спасти от этой прохлады.

Мясное блюдо было большим, к счастью. Оно было сильно приправлено — почти слишком сильно, но это только помогло ему почувствовать себя сытым, и он вскоре понял, что в этом и была суть, так как, хоть еда и была искусно приготовлена, она не была щедрой на порции. Было удивительно думать, что даже при этом они делятся этой едой с ним — совершенно незнакомым человеком. В Вейле было много людей, которые воротили бы носы от такого, как он, особенно из-за того, насколько потрёпанным он выглядел.

Когда он закончил еду и поставил тарелку, он заметил кровь, просочившуюся из-под рукава Асола по его запястью.

— Ты ранен.

Асол проследил за его взглядом и вздохнул.

— Кирие! Твои глаза остры, как у орла, друг мой. К моему стыду, это так. Один из наших воинов — новая кровь по имени Ганзус — присоединился к старшим воинам прошлой ночью. Он был взволнован и невнимателен, и я получил удар, который убил бы его. Когти Беовульфа оказались не в том месте и не в то время, — он откинул рукав и обнажил повязку, обернутую вокруг неприятно выглядящей раны. Он поправил повязку и прикрыл её.

— Это серьезно? — спросил Жон.

— Рана заживет, не стоит беспокоиться. Я не хочу давать Ганзусу знать об этом. Ошибки являются нормой, особенно среди новой крови, и он отмечает свой обряд чести сегодня вечером. Несправедливо наказывать за ошибки молодости. Завтра я отведу его в сторону и буду усиленно тренировать, чтобы больше такое не повторялось, — смех Асола дал понять, что он не злопамятен. — Со временем он спасёт мою жизнь — возможно, и не раз.

Всё было хорошо, но теперь рука не слушается Асола, и завтра ему придётся охранять караван. Если есть даже небольшой способ, которым он мог бы вернуть долг соплеменникам спасших ему жизнь, он должен был принять его. Жон протянул руку и взял человека за руку: «Могу ли я осмотреть рану?»

— Если это утешит тебя, друг мой.

— Не меня, но тебя — точно, — Жон поднес руку близко к его телу и положил пальцы по обе стороны от раны, чтобы зажать её и закрыть. Его Аура вспыхнула, и он направил её, как он умел, и протолкнул в человека, сидящего перед ним.

Он обнаружил свое Проявление позже, чем большинство, и только после того, как Вайсс чуть не умерла у него на руках. Ему всегда было больно думать, нельзя ли было так спасти Пирру, но Руби, в конце концов, загнала Жона в угол и убедила в обратном. Пирра пала почти мгновенно от выстрела в грудь, а затем умерла на его глазах — не было места для кого-то вроде него, чтобы исцелить её. Даже если бы он смог, Синдер просто убила бы их обоих.

Однако здесь, когда он только отдохнул и это был лишь простой порез? Аура Жона текла в человека перед ним, увеличивая его собственную — которой было не так уж много. Глаза мужчины расширились и стали еще больше, когда рана начала закрываться.

— К звёздам, — сказал Асол изумлённо. Он поднял руку к своему лицу, поражаясь безупречной коже. — Это... ты...

— Мое Проявление, — сказал Жон.

— Звёзды благословили тебя таким даром, Жон Арк. Нет, Жон Арк Дель-Ашари. Я называю тебя братом здесь и сейчас, для тебя всегда найдется место в нашем племени, — Асол схватил его за руку, прежде чем он смог отказаться и поднял над собой. Он громко заговорил глубоким грудным голосом: «Я называю этого человека своим братом, истинным Дель-Ашари — во всех отношениях, кроме крови. Пусть это увидят звёзды и луна».

Те, кто был у костра, смотрели на это, прежде чем начали счастливо кричать. К его смущению некоторые даже начали петь странные песни, о которых он никогда не слышал и атмосфера стала более похожей на вечеринку. Он никогда не был в центре внимания стольких людей, кроме ситуации в его команде, когда он был командиром. Здесь он мог только сидеть и краснеть, а Асол продолжал смеяться.

— В этом на самом деле ничего особенного, — сказал он.

— Мой брат, твой дар — подарок звёзд. Ты вернул мне мои силы, и это может спасти мне жизнь завтра. Ты также защитил достоинство Ганзуса, хоть он об этом пока и не знает, — улыбка исчезла с лица Асола, сменившись задумчивым хмурым взглядом. — Как далеко распространяется твой дар? Может ли он исцелить смертельно раненых?

— Я... ну, в прошлом я спас нескольких, — ответил Жон. Он был осторожен с положительным ответом — чтобы, если что-то пойдет не так, не было недопонимания, если он не в состоянии излечить человека. Его Проявление было не совсем исцеляющим. Исцеление было одной из побочных возможностей его дара. — Я ничего не могу обещать, но если кто-то ранен, я могу попробовать.

Асол кивнул и поднялся с подушки, жестом указав Жону следовать за ним. Они вышли из палатки и пошли дальше от огня и праздника соплеменников. Затем прошли вокруг задней части повозок и подошли к одной из них, которая была немного больше остальных и выкрашена в белый цвет.

— Это не кто-то из моего племени — такой же незнакомец, как и ты, — объяснил Асол. — Мы нашли её несколько дней назад в руинах, и её раны были ужасными. Они всё ещё ужасны. Моя Инесса сделала всё возможное, чтобы облегчить боль — но это все, что мы можем сделать. Хотя мой свет не делился со мной подробностями, я каждую ночь чувствую её печаль, и знаю, что у этой незнакомки осталось мало времени. — Карие глаза Асола несли боль, не принадлежащую ему. — Я знаю, что ты не можешь дать никаких обещаний, и я не потребую их от тебя, но если ты сможешь немного помочь...

Жон кивнул.

— Я сделаю всё возможное, — он ещё обязан им, даже если бы они обиделись, узнав об этом. Он бы попытался, даже если бы этого не случилось, но после всего, что они сделали, он был должен им гораздо больше, чем просто попытку исцеления.

Асол поднялся по ступенькам и трижды постучал в деревянную дверь, а затем толкнул её внутрь; Жон внимательно следил за ним. Интерьер был гораздо менее спартанским, чем в других повозках: четыре мягких кровати, покрытых белым шелком. Посреди комнаты стояла женщина, одетая в чистейшие белые одежды. Её волосы были коричневого цвета с легкой проседью, и, хотя она была достаточно стара, чтобы появились морщины, она несомненно была привлекательна. Перед ней, под белой простыней, спала бледная женщина.

— Инесса, — сказал Асол, кланяясь своей жене. — Я не хотел мешать, но другой твой пациент наконец-то проснулся.

— Ты не помешал мне, — Инесса двинулась вперед, чтобы обхватить лицо мужа. Она поцеловала воздух перед ним, но больше ничего не сделала и вскоре повернулась к Жону. — Тебе уже лучше, незнакомец. Моему сердцу приятно видеть это своими собственными глазами.

— Благодарю вас, мадам, — сказал Жон, кланяясь, как другие в племени. — Я не забуду вашу доброту.

— Он больше не чужой, свет мой. Он Жон Арк Дель-Ашари. Мой названный брат.

— О, боже! — вздохнула Инесса. — Не говори мне, что ты снова стал маленьким мальчиком в пустыне, полной Гримм? Вот почему ты здесь — чтобы искать исцеления от собственной глупости? Моя любовь или нет, у меня найдутся идеи, как заставить тебя страдать за твою глупость.

— Ты ранишь меня, мой свет, — сказал Асол, тихо посмеиваясь. — Но нет, мы здесь не для того, чтобы обременить тебя ещё больше — наоборот, чтобы облегчить твою ношу. — Он поднял свое запястье и провел его перед ней. — Мой брат был одарён силой исцеления. Он доказал это мне и любезно согласился посмотреть, что он может сделать для раненой женщины-воина.

Инесса ахнула. — Это правда?

— Так и есть, — сказал Жон, делая шаг вперед. — Я не могу ничего обещать, но мое Проявление позволяет лечить. — Среди прочего другого. — Я могу попытаться помочь ей.

Она практически мгновенно переместилась к нему, по пути чуть не затоптав Асола, а затем она подтолкнула его ближе к женщине. — Пожалуйста. Любая помощь, которую ты можешь предложить, названный брат моей глупой любви и жизни.

Раненая женщина на кровати не реагировала на шум; очевидно, что она была без сознания, когда её нашли. Кожа на её лице была бледной и впалой, местами были видны вены. Она могла бы быть красивой, но из-за её болезненного состояния невозможно было сказать, как она выглядела. Её волосы были темны — возможно, чёрные или очень тёмно-коричневые, судя по цвету на кончиках. Они были достаточной длины, чтобы достигать её плеч. Рядом с её кроватью было странное оружие: какой-то меч, но, очевидно, трансформирующийся. Она была Охотницей.

— Где вы её нашли? — спросил Жон.

— Тем, кто нашёл её, был Асол. Она была брошена в пустыне, в разрушенных руинах, — Инесса откинула одеяло, открыв одежду, похожую на ту, что на Жоне. Тело женщины было перевязано во многих местах. — Она подверглась нападению. Травмы говорят о Гримм — но есть и те, которые нанесли люди. Какие мужчины или женщины способны атаковать сестру, когда она борется с Гримм, я не знаю.

— Те, у кого нет стыда, — проворчал Асол. — Если бы мы могли найти этих монстров и отомстить за нее! Моему копыту хотелось бы поговорить с такими людьми.

— Её заражение я исцелила, — сказала Инесса, игнорируя своего мужа. — Я позаботилась о её повреждениях, но раны, которые она несет, глубоки. Не болезнь или потеря крови тащит её в глубины океана, а недостаток сил.

Проще говоря, она была слаба от потери крови, и просто не имела достаточно Ауры, чтобы выжить. Жон кивнул и двинулся вперед. Его руки колебались над телом женщины, и он прошептал тихое извинение, что касаясь её без разрешения. Одну руку он положил на живот, где была большая рана, другую прижал как можно ближе к её сердцу. Он закрыл глаза и сосредоточился.

Нельзя по-настоящему ощутить Ауру — по крайней мере, в традиционном смысле. Вот почему люди нуждались в свитках, которые выводили уровень их Ауры численно. С ним было то же самое, когда он распространял свою Ауру на других людей: он не мог сказать точно, сколько Ауры у людей — много или мало у них было, но научился понимать по тому, как чужая Аура взаимодействовала с его. Здоровое тело, наполненное Аурой, отталкивало её назад — не враждебно, скорее в том смысле, что тело было полно своей собственной Ауры и не могло вместить больше. Это было похоже на попытку сжать воду.

Здесь ничего подобного не было. Та крохотная Аура, что оставалась у женщины, была

напряжённой, слабой и не сильно разборчивой. Она зацепилась за его Ауру и втянула её в себя, отчаянно пытаясь использовать предложенное, не обращая внимания, откуда оно взялось. В ней будто была гигантская пустота. Это имело смысл, так как её Аура, должно быть, была истощена в битве, и то немногое, что сохранилось, отчаянно пыталось залечить её раны. Однако этого было недостаточно. Не с ущербом, который она понесла.

К счастью, у меня большой объем Ауры, — подумал Жон и толкнул её ещё сильнее. Сколько лет назад Пирра сказала ему, что у него необычайно большая Аура? Это было целую жизнь назад. В этом мире это могло произойти только неделю или две назад. Или, может быть, это не произойдёт ещё неделю. Салем могла отправить его обратно до того, как он присоединится к Бикону, и в этом случае ему придётся пройти этот путь снова. Его концентрация дрогнула; он прикусил губу, отмахиваясь от подобных мыслей и сосредоточившись на задаче.

Глаза женщины распахнулись. Они были дикими и черными, зрачки расширились настолько, что практически всё проглотили. Она рванулась вверх — или попыталась — но была слишком слаба и упала. Её руки сжимали его запястья, но они были слабыми — очень слабыми... Её ногти лишь щекотали его кожу, и она не смогла удержать хватку надолго. Её руки опали, но он поймал одну и крепко сжал её. Было ясно, что Охотница всё ещё считает себя в опасности. Последним, что она увидела, был кто-то, кто пытался её убить, и она считала, что тот собирается закончить работу.

Она хотела жить — это хорошо. Желание продолжать борьбу значило больше, чем всё остальное. Несмотря на это, Жон не мог позволить Охотнице бороться с ним, поэтому он держал её руки в своих.

— Всё в порядке, — сказал он, и её глаза заметались, отчаянно ища его. Похоже, она не могла видеть, но он сомневался, что она была слепа. Просто измученная и уставшая после стольких дней без сознания. — Ты меня слышишь? , — спросил он.

— Д-да?.. — её голос был робким — или просто таким хрупким, что звучало именно так. — Где... — запнулась она, не в силах закончить остальное.

— Я понял тебя, — сказал Жон, — Ты в безопасности.

— Я могу... я чувствую твою ауру... она... теплая... — её веки потяжелели, и женщина расслабилась с довольным вздохом. Он кивнул и мягко улыбнулся ей, надеясь, что, если она увидит его, то поймет его намерения.

— Я использую свое Проявление, чтобы исцелить тебя, — объяснил Жон, надеясь, что знание её успокоит. — Теперь ты в безопасности. Ты можешь отдохнуть. Я позабочусь обо всем остальном.

— И-исцеление?..

— Да. Ты будешь жить. Спи. Тебе нужны силы.

Сон был последним, чего она хотела — он прекрасно понимал её, но её тело нуждалось в этом, и женщина не могла с этим бороться, как бы она ни старалась. Её веки стали тяжелыми, несмотря на попытки моргнуть ими. — Ты обещаешь? — спросила она невнятно, и ему потребовалась секунда, чтобы понять, что она имела в виду.

— Я обещаю, что ты снова проснешься. Худшее уже позади.

Женщина кивнула и отключилась менее, чем через пять секунд. На этот раз, однако, её грудь поднималась и опускалась равномерно, и её кожа приобрела естественный цвет, даже если всё ещё была бледной. Он почувствовал, как её Аура оттолкнула его, и отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой.

Она будет жить. Жон был уверен в этом. Порыв усталости поразил его, но это было ничто по сравнению с восторгом. Она будет жить из-за него. Это было чудесное, головокружительное чувство, и Кроу однажды предупредил его об этом, сказав, что, хотя его Проявление может спасти жизни, он не должен становиться зависимым от этого чувства, чтобы не начать получать удовольствие от чужих бед. Он принял это близко к сердцу и вспомнил об этом, но всё ещё ощущал определенное удовлетворение от хорошо выполненной работы. У некоторых людей были Проявления, которые позволяли им лучше убивать Гримм. У него не было такого применения, но он, тем не менее, любил свое Проявление.

— Теперь она должна быть в порядке, — сказал Жон, вытирая руки. — Ей понадобится отдых — возможно, день или два, и когда проснётся, она будет голодна. Я не так уж много знаю о лечении, но её тело сейчас восстанавливается. Всё, что вам нужно сделать — позаботиться о ней, когда она проснется». Но ответа от двух соплеменников не было. — Асол? Инесса?

На него смотрели две статуи.

— Невероятно, — прошептала Инесса. — Ты отмечен Солнцем и Луной.

— Разве я не говорил тебе, любовь моя? Он человек, которого я назвал братом.

— Ничего особенного, — Жон немного смутился от внезапного внимания.

— Сохранение жизни этой женщины — ничего особенного, дорогой брат? — спросила Инесса, теперь ссылаясь на него таким же образом. — Ты думаешь, её выживание — это такая мелочь? У неё есть мечты, я уверена. Мечты, что она теперь может исполнить благодаря тому, что ты не считаешь ничем особенным.

— Н-нет, это не так. Просто... не похоже, что я заслуживаю такой похвалы. Вы сделали для нее больше: не только помогли ей, но и вылечили. Это ты ухаживала за ней, и именно ты на самом

деле знаешь, как лечить. У меня... это просто Проявление. Это...

— Мошенничество? — Догадался Асол.

Жон хмуро кивнул.

Инесса была менее сочувствующей.

— Ах, юноши и их эго, пусть пустыня заберет их всех! Почему то, что ваши знания не совпадают с моими, должно быть важно? Всё, что сейчас имеет значение — что эта женщина выживет.

— Я... хорошо...

— Твоя способность. Хотелось бы, чтобы она была у меня, да и, возможно, ты чувствуешь, что не заслуживаешь её, но это — способность, которую ты получил, и ты сделал мир лучше, используя её. Неважно — заслуженно или нет, молодой человек. Ты такой ребенок!

Он почувствовал, как заалели щеки. Прошло много времени с тех пор, как он чувствовал себя таким пристыженным — вероятно, из-за того, как долго он не был рядом с кем-то, даже отдаленно похожим на авторитетную фигуру. Озпина он почти не считал за авторитет — не в теле Оскара, а Кроу был в лучшем случае пьяным шутком, а в худшем — подлым надсмотрщиком и суровым наставником.

Хотя она была права. Заслужил ли он такое Проявление или нет — оно у него было, и из-за этого он казался эгоистичным. Проявления не должны иметь смысла; они просто были. Будь рядом Кроу, он бы отсыпал своей членовредительской мудрости, едва услышав эти мысли — скорее всего, прямо по голове.

«Перестань закикливаться на дерьме, которое ты не можешь изменить, малыш. Просто смирись с этим и иди дальше».

— Ты права, Инесса, — сказал он, кланяясь. — Спасибо за Вашу мудрость. Асол, есть ли в племени кто-нибудь ещё, кто нуждается в исцелении? Я знаю, вы сказали — мне не нужно возвращать вам деньги, но если я теперь часть вашей семьи, то выходит, что всё племя моя семья, верно?

Улыбка Асола была похожа на восходящее солнце.

— Есть кое-кто, брат мой. Пойдём посмотрим, сколько людей этой ночью захотят назвать тебя своим братом!

Как оказалось, больных было немного. Мало кто пострадал так же, как та женщина ранее, и большинство травм были мелкими, несущественными. Тем не менее, они могли замедлить

воина ночью, и исцеление их, возможно, спасло жизни в будущем. Люди Дель-Ашари, конечно, думали так же, и потому щедро одаривали его похвалой и благодарностью и, как и предположил Асол, он заимел множество братьев и сестер ещё до конца ночи.

— Ты — человек с большой семьёй, брат, — рассмеялся Асол. Этот засранец не пытался никого остановить, и его смех становился всё громче с ростом списка названных братьев и сестёр. — Я бы хотел, чтобы ты остался.

— Было бы здорово, но ты же знаешь, что я не могу.

— Я понимаю. В твоём взгляде я вижу человека, идущего к гораздо большему. Я признаю это, но не как страсть к путешествиям в молодости. Это взгляд человека, идущего к людям, которых нужно защищать, — Асол улыбнулся. — Эти люди драгоценны для тебя, не так ли?

— Они... Они значат для меня больше, чем весь мир.

— Тогда я не буду огорчаться, когда ты покинешь нас. Ешь, пей и отдыхай со мной и Инессой. Мы расскажем сказки и, возможно, ты расскажешь мне об этих людях, которыми так дорожишь. Возможно, в один прекрасный день ты приведёшь их сюда, что бы дать мне причину хорошо отметить это.

Пирре, Рену и Норе здесь бы понравилось, хоть и по разным причинам. Нора оценила бы энергию и доброту племени, Рен — их культуру, а Пирра, возможно, просто воздала бы должное их честности и тому факту, что никто не будет судить её по ее славе — только за действия. Команда RWBY тоже оценит, он был уверен.

— Может быть, когда-нибудь, Асол. Может быть, когда-нибудь...

Несмотря на их слова, что не будет печали с утра, неизбежное произошло. Асол и он обменялись крепкими объятиями, и Жон сам немного удивился тому, как легко он полюбил этого человека. Он не был настолько аномально доверчив. Наверное, дело было в сочетании теплой атмосферы и его собственной надежды, которую он ощущал. В прошлом, и с задачей всех спасти, было трудно чувствовать себя подавленным. Инесса тоже обняла его и расцеловала в обе щеки.

— Возьми эти карты, — сказал Асол, протягивая их в руки Жону. Племя уже экипировало его своей собственной лёгкой воздушной накидкой, которая свободно висела на его теле. Он также обернул вокруг головы тюрбан из тонкой ткани, которую можно было натянуть, чтобы закрыть нижнюю часть лица. На случай песчаных бурь — подсказали ему.

В общем, теперь он выглядел как настоящий обитатель пустыни. Ему пригодится это, чтобы добраться до Вакуо, особенно учитывая суровую крайность между жарким днем и морозной ночью. Они также снабдили его сушёной и консервированной пищей, а также двумя баклажками воды — максимум, что могли сэкономить. По доброте своей они даже обменяли

специи на продажу на его потрёпанный доспех; металл был слишком тяжелым, чтобы нести его через пустыню. Он знал, что это был больше жест доброй воли — продать ему специи, которые он мог продать в любом городе. По крайней мере, они были легче, чем доспехи.

— Не забывай следить за звёздами, — напомнил ему Асол. — Они направят тебя в город из песка и камня. Мы будем путешествовать в сторону Академии Шейд, и, если звезды смилостивятся, в один прекрасный день мы встретимся снова. Я буду молиться каждой ночью, чтобы это произошло.

— Я тоже, Асол. Мне повезло, что я встретил тебя и Инессу.

— Как и нам. Теперь иди — иди и найди тех, чей свет сияет в твоих глазах. Я уверен, что ты найдешь их, и, если я что-нибудь понимаю в силе твоего духа, я думаю, что ты защитишь их.

Это было таким же хорошим напутствием, как и любое другое. Члены племени махали ему, когда он повернулся, чтобы уйти, напоследок обменявшись кивками с Асолом и Инессой. Пустыня перед ним была обширной и неумолимой; океан песка, волны которого поднимались к горизонту на протяжении всего взгляда. Вместе с этим бледно-голубым небом и палящим солнцем она должна была стать ужасной перспективой.

Вместо этого он наслаждался — по-настоящему искренняя улыбка скользнула по его лицу. Это был мир, в котором ещё жили его друзья. Это был мир, где всё ещё не пошло не так. Ещё нет. Зная всё это, как он мог испытывать что-то, кроме радости? Первый шаг Жона вывел его из лагеря в пустыню.

— Следующий шаг — Вакуо.

Солнце, светящее над Вакуо, врезалось в его глаза и рот, оставляя горло пересохшим и мучительно сухим. Стянув с себя ткань, натянутую на лицо, Жон уставился на город перед собой и задумался, не было ли это ещё одним миражом, вызванным жарой. У него перехватило дыхание, когда он нащупал баклажку с водой, немного отпил и выплеснул остатки на лицо. Картинка перед глазами держалась. Это было реально.

Жон Арк испустил долгий вздох и посеменял вперёд с удвоенной энергией.

— Наконец-то.

Никто не мог назвать его нерешительным человеком. Сначала об этом узнала Пирра — будь она благословенна — и в своё время все остальные тоже осознали это. Когда он задумывался о чём-то таком, как, например, попасть в школу, в которой он не имел права учиться, он находил

путь, и, не смотря ни на что, добился бы результата. Иногда эти методы были не совсем честными — например, когда он подделал свои документы — но Кроу однажды сказал ему, что это просто проявление другого типа мышления — более гибкого.

То же самое было и здесь, с его решением связаться с Биконом. Он не имел ни малейшего представления о том, как далеко назад он, в конечном итоге, был отправлен. За несколько месяцев до роковой миссии или, может быть, даже ещё в начале учебного года — не было никакого способа это узнать. Бикон был первым пунктом для звонка, но он не мог позволить себе сделать его неподготовленным.

Асол говорил, что ССТ в Вакуо всё ещё стоит. Будь иначе, и школа наверняка уже была бы разрушена, что было бы достаточным для определения временного промежутка. Тогда он может добраться до Мистраля и перехватить своих друзей там. Если башня связи действительно не разрушена, это значит, что он вернулся до смерти Пирры, и в этом случае все планы будут отменены. Он доберется до Вейла и остановит эту трагедию.

Но как добраться от Дель-Ашари в Вакуо?

Оказалось, это было не так просто.

Пустыня Вакуо была тем еще зрелищем; лучше всего оценивать её с окраины, желательно под зонтиком на курорте с прохладным напитком в руке и сказать: «Ах, как я рад, что мне не нужно идти сквозь это!» К сожалению, он получил этот опыт из первых рук. В недельном путешествии, которое он предпринял, это была просто большая масса песка. Песок под тобой, песок над тобой, песок, летящий в лицо и песок во всех возможных отверстиях и складках на коже и в одежде. Он был благодарен, что Асол посчитал нужным лучше подготовить его ко всему этому. Он почти наверняка бы умер, если бы носил свои доспехи и толстовку с капюшоном.

Но вот он, проведя неделю или больше в дороге, наконец добрался до Вакуо. Жон провел пальцем по легкой щетине, отросшей на его подбородке. Щетина была жёсткой и твердой, но всё ещё раздражающего бледно-желтого оттенка. Как песок вокруг. Это могло выглядеть грубо, но грубым не было. Руби часто смеялась над тем, как мило это выглядело, в то время как Нора терла его щеки и ворчала о неприятных колючках. Он не был настолько неотразимым для дам, как тот же Кроу.

Что они будут думать о нём сейчас, когда он не только с бородой, но и с явными признаками старения, слез и истощения, он не знал. Может быть, он спросит их. Он выглядел старше своих двадцати лет. Салем сказала, что при переносе сохранит его внешний вид таким же, а это значит, что он будет старше всех остальных — неловкая, но не неудобная ситуация. По крайней мере, мне не тридцать или больше. Я всё ещё могу сойти за семнадцатилетнего, если приведу себя в порядок. Непохоже, что кто-то может заметить разницу в три года.

Или ему сейчас двадцать один? Это было трудно подсчитать. Дни рождения проходили в дороге, и лишь немногие отмечались напитками и простыми подарками, когда у них был шанс.

Они редко так делали. Добрые слова и объятия стали их собственной валютой. Тем не менее, он любил их.

— Я выясню, сколько мне лет, когда доберусь до Бикона, — пробормотал Жон, кивая самому себе.

Такое планирование поддерживало его настроение в трудном путешествии и, несмотря ни на что, этого хватало с избытком. Даже более, чем с избытком. Он чувствовал себя гораздо более живым, чем несколько месяцев до этого, и даже когда на него напал песчаный Гримм, он улыбался, отбив атаку и получил приз, когда смог пополнить свои баклажки в оазисе. Он был в самом сердце пустыни, в тысяче миль вдаль от дома, и он не мог перестать улыбаться.

Как он мог печалиться, когда все ещё были живы?

Двое мужчин стояли по обе стороны от маленьких ворот рядом с большими, которые были плотно закрыты. Однако пешеходы тянулись к другому входу и выходили из него, и Охотник присоединился к очереди, ожидая, когда очередь дойдет до него. Никто не задал ему лишних вопросов, и, хотя это заставило его изрядно поволноваться, для входа потребовалось не так много: хватило базовой идентификации себя.

Я всегда слышал, что Вакуо был тем ещё проходным двором, но это уже слишком, — подумал он. — Тем не менее, это работает в мою пользу. Жон никогда не был в Вакуо, но Сан рассказал ему кое-что во время их совместных поездок, и этого хватило, чтобы получить смутное, хотя и предвзятое, представление. Похоже, фавн не солгал. «Вакуо был жарким местом с огромным количеством песка, и еще чуть-чуть песка сверху», — рассказывал тот.

Ворота вели в большой внутренний двор с фонтаном в центре, который лениво выплевывал воду в бассейн, вокруг которого толпилось несколько маленьких детей, плескавшихся в фонтане. Люди в свободной и легкой одежде двигались туда-сюда, некоторые с зонтиками, чтобы укрыться не от дождя, а от палящего солнца. Вниз по улице он мог видеть многочисленные киоски, накрытые богато украшенной тканью, нависающей над товаром и там было полно людей. Даже на таком расстоянии он слышал гул разговоров, торгов и споров. Это был напряженный день, когда не было видно ни ужаса, ни страха. Это был еще один аргумент в пользу того, что Бикон все еще находится в целостности и сохранности, и Жон почувствовал волнение.

Но прежде чем он действительно мог узнать, не говоря уже о том, чтобы забронировать туда рейс, ему пришлось разобраться с денежным вопросом. Его ресурсы были довольно скудными и хотя Асол был щедрым на еду и душевность, у него было не так много льен, особенно, чтобы отдать их незнакомцу. У него был его меч и ножны, но кроме этого в наличии был только его свиток и немного мелочи в карманах, которую он имел при себе перед путешествием в прошлое.

Денег не хватило бы на оплату транспорта обратно в Вейл, что означало, что ему придется либо идти пешком, либо заработать недостающую сумму, либо лететь зайцем.

Конечно первые два варианта абсолютно не подходили. У него не было столько свободного времени. Пробраться безбилетником тоже может оказаться тем еще квестом. «Думаю, мне нужно продать что-то ненужное». Жон посмотрел вниз на Стосеа Морс и отклонил эту идею. Однако у него были дары от Асола, некоторые из которых предназначались исключительно для торговли, например, специи в его сумке. Кроме того, у него был его личный свиток.

Если подумать, это свиток Бикона, подумал он. Если я появлюсь с ним, он покажет Озпину, что я был в Вакуо. Черт, он даже может показать, что я был в Гриммленде. Разговоры об этом ему точно не нужны. На самом деле, так как он был отправлен обратно с ним, был шанс, что свиток может содержать сообщения, которые не могли быть фактически отправлены, или датированные будущим временем.

Кроме того, если бы Жон вернулся в Бикон до своего фактического поступления, он выглядел бы слишком подозрительно владея подобным свитком. Правильнее было бы очистить его от всей информации и продать. Если кто-то спросит, он может просто сказать, что сломал свой свиток или что-то в этом роде. Репутация распиздяя-рукожоба стоила всех тех проблем, которые мог бы принести «свиток из будущего».

«Но сначала», — сказал он, глядя на характерную башню, возвышавшуюся над городом. Она была покрыта стальными зарослями антенн, многие из которых были ржавыми, но ярко-зеленый свет мерцал над ней, сигнализируя об её работе.

Надо рассказать остальным, что с ним все в порядке.

«Вы позвонили в Академию Бикон, Вейл. К сожалению сообщаем Вам, что никто не может ответить на ваш звонок. Академия откроется и будет доступна в свои обычные рабочие часы работы с восьмого...»

Автоответчик замолчал, когда Жон закончил разговор. Экран, который он использовал, переключился обратно в режим готовности, предлагая ему ввести новый номер, а также предоставил список других опций, таких как популярные туристические места и служба такси. Два барьера по обе стороны от его терминала мешали другим видеть, что он делает, но ССТ был в основном пустым и те люди, которые уже были тут, были глубоко увлечены своими международными звонками. Камеры наблюдали за всем этим и несколько охранников слонялись возле двери, но никто не был особенно настороже; не в середине дня.

Тем не менее, звонок дал больше, чем могло показаться на первый взгляд. Бикон был закрыт — но не разрушен, в противном случае немного педантичная мисс Гудвич не оставила бы такую запись. Это означало, что он был отправлен обратно до того, как учебный год начался, вероятно, даже до того периода, когда он поступил в Бикон.

Он не знал, должно ли это его расстроить или нет. Конечно, это означало, что многие вещи, через которые они прошли все вместе, не произошли, но это также дало ему больше времени, чтобы изменить ситуацию. Он всегда мог создать новые воспоминания со своими друзьями.

И самое лучшее, это означало, что Пирра была еще жива.

Эта мысль заставила его пальцы дрожать, а глаза прослезиться. Должен ли я попытаться позвонить им? Его палец завис над циферблатом. Он мог позвонить Норе, Рену или Пирре — но они бы его не узнали. Это может просто сбить их с толку, не говоря уже о том, что Пирра может подумать, что он какой-то сталкер. Но это позволило бы ему снова увидеть ее лицо, хотя бы на секунду. Каждая клетка его тела говорила ему, что это плохая идея, каждая. Но Жон не мог остановиться. Ему нужно было увидеть ее. Ему нужно было убедиться, что с ней все в порядке.

Резко, прежде чем он успел передумать, он набрал ее номер. Его темп становился все быстрее и безумнее, с каждой набранной цифрой. Он просто позвонит, увидит ее и скажет, что ошибся номером. Она никогда не узнает правду. Она никогда не должна узнать. Просто так он знал бы, что он мог наконец притормозить, отдохнуть и сосредоточиться на будущем.

«Номер, который вы набрали, не обслуживается».

У него стал ком в голе. Его сердце екнуло.

«Подождите, она еще не в Биконе...»

Резкий вздох вырвался у него, затем последовал облегченный и слегка напряженный смех. Боги, он был близок к всепоглощающему приступу паники, когда ответ на вопрос был чертовски очевиден. Номер Пирры, который он назвал, еще не существовал. Пирра выбросила свой старый свиток, когда достигла Бикона, как и все они. Поскольку у нее не было ее нового свитка, он не знал ее номер и этот не будет работать, пока не начнется учебный год. Я такой идиот, подумал он, качая головой.

Он не мог ничего с этим поделать. Он был слишком возбужден, слишком нетерпелив. Он должен был быть осторожен, так как его участь стать партнером Пирры зависела от того, что он не столкнется с ней до самого поступления. Это было бы тяжело, смехотворно тяжело, но ему нужно было найти ее, а потом игнорировать и флиртовать с Вайс. После этого он сможет раскрыться и стать ее другом, которым она всегда была, но не раньше. Он не мог позволить себе все испортить и потерять ее как своего партнера. Не что-то настолько тупое.

Это будет тонкая ирония, подумал он. Желать быть в команде с Пиррой, но все испортить, потому что я в конечном итоге выглядел бы как раз так, чего она избегала всеми силами. Ирония была бы еще более толстой, если бы он стал партнером Вайс. Он рассмеялся над этой мыслью, но сделал мысленную пометку, чтобы не позволить этому случиться.

«Думаю, мне просто нужно добраться до Вейла и продолжать оттуда», — сказал мужчина, отталкивая металлический стул. Предыдущее разочарование, которое он чувствовал, исчезло, сменившись радостью от осознания того, что все его друзья — все они — не только живы, но что он может вернуться обратно в Маяк и провести время с каждым из них. «Может быть, мне не нужно будет обманывать никого в этот раз. Это может упростить ситуацию. Я не уверен, что историю с Кардином я действительно хочу повторить». Хотя та ситуация позволила укрепить партнерские узы и открыть для себя Пирру, но теперь это не было проблемой. «Хех, может быть, я даже смогу раскрыть чувства Пирры немного раньше чем в прошлый раз».

Так много возможностей, открытых для него. Исправление будущего было только одной из сторон медали. Больше времени, проведенного со всеми своими друзьями было другой стороной.

Терминал напомнил ему, что он потратил последние льены, чтобы попасть сюда, но звонить было больше некому. Его семья жила в Анселе, вдали от ССТ. Лучше всего было продать свой свиток, найти ближайший дирижабль на Вейл, а затем сидеть на попе ровно и подать заявку на поступление в Маяк, когда начнется набор. Оттуда он мог повлиять на будущее и позволить идти истории как и было предначертано, но влияя при этом на события, которые их ожидали в будущем. Может быть Синдер получится остановить. Пирра определенно будет спасена и если Бикон не падет, то им будет проще работать над проблемой Салем.

Я выясню детали позже, — подумал он. Шаг за шагом, и первым шагом было добраться до Вейла и быть принятым в Бикон. Над остальным уже можно будет поработать на месте.

«Эта модель настолько уникальна...» — человек за прилавком уставился на устройство в чем-то похожем на восхищение. Он был грузным мужчиной, одетым в яркие цвета, в основном желтые и с малиновыми полосками. «Я никогда ничего подобного не видел раньше. Где вы говорите, купили это?»

«Вейл», — сказал Жон, немного нахмурившись. Реакция человека была довольно не к месту, особенно его благоговение. Хотя он привык к людям, которые пытались обмануть его, они обычно делали это, стараясь показать, что предлагаемый им товар ни стоит даже половины ожидаемых денег.

«Это должна быть модель-прототип», — сказал мужчина, практически заливая слюной прилавок. «Некоторые из этих функций, а также дизайн, ах, он так легкий! Вейл, вы говорите? Кто дал вам его?»

Он не мог рассказать про Озпина или про Бикон. «Кто-то, кого я знаю».

«У вашего друга должны быть связи со всеми нужными людьми. Это невероятно. Я не ожидал увидеть, что что-то подобное, но даже крупные производители не выпустили что-то настолько продвинутое, насколько мне известно».

«Ну, у него достаточно много связей». Больше, чем кто-либо другой должен был бы иметь, но в те времена в Озпине всегда было что-то потустороннее, даже до того, как он захватил тело ребенка и приоткрыл завесу тайны над своей природой, оказавшись своего рода древним духом-паразитом.

Он всегда вел себя как человек, который знал слишком много; как человек, который может узнать все твои секреты, просто посмотрев на тебя. Его ничуть не удивило, если бы Озпин дал им продвинутые свитки. Может быть, это было просто рекламным ходом и свитки не будут официально выпускаться еще в течение нескольких месяцев, с момента начала учебного года в Биконе.

«Это все хорошо, но он имеет свою цену тогда?» — спросил Жон.

«Имеет ли цену? Молодой человек, это стоит хороших денег на самом деле. Я возможно смогу провести реверс-инжиниринг данного свитка и украд заложенные в него технологические новшества, попытаться выйти на рынок с данными разработками как частное лицо!» Мужчина хихикнул и Жон подумал, не может ли это стать одним из тех временных парадоксов, о которых упоминали старые фильмы. Если это так, то это только повлияет на прибыль нескольких компаний.

«Сколько вы готовы предложить за него?»

«А сколько вы хотите?»

О боги, это не игра. Он знал это достаточно хорошо, потому как его довольно часто просили закупиться Руби, Кроу и многие другие в их путешествиях. Владелец магазина предлагает назвать вам цену самому и это все портит, в итоге получая или отдавая за товар несправедливую цену. Год или два назад он, возможно, начал бы потеть и поддаваться, но скромное финансирование и непрекращающийся троллинг Кроу выбил из него эти слабости.

«Ну, я всегда могу пойти к тому парню через дорогу...» — начал он.

«Нет, нет, нет! Не торопитесь!» Человек мгновенно сдался, махнув рукой. Другой он сжал свиток, как будто был готов отдать за него свою жизнь. «Я не тот человек, который хочет тебя обмануть, правда. Я честный человек, человек чести».

Так говорит каждый торговец каждый раз. «Я не услышал сумму...»

«Пятнадцать тысяч льен!»

Жон чуть не потерял сознание прямо там. Пятнадцать тысяч? Один из этих свитков стоил — или будет стоить — девятьсот, может чуть больше, в магазинах, хотя даже тогда большинство людей покупали его новым, вместе с коробкой и прочими сопровождающими вещами, а еще они обычно платили небольшую сумму каждый месяц за услуги пользования сетью. Пятнадцать тысяч за один свиток это смешно. Это было гораздо больше, чем ему было нужно.

Но он не зря проходил ускоренный курс обучения у Кроу Брэнвена. «Двадцать тысяч».

«Семнадцать, и это все деньги, которые у меня есть в Вакуо. Я могу их заплатить прямо сейчас».

«По рукам». Жон протянул руку.

К его шоку, мужчина действительно пожал его руку.

«Ты не пожалеешь об этом и я не забуду этого», — сказал он, подняв прилавок и приняв выкладывать льены на стол, наличными. «Однажды ты услышишь фамилию «Рашем» и вспомнишь, что именно ты помог ей возвыситься. Приходи тогда ко мне и я дам тебе наш лучший свиток!»

«Да, конечно...» — охотник взял деньги, пересчитал их и снова удивился, обнаружив, что это оговоренная сумма в полном объеме. Он сомневался, что у Рашема, или как там его, были шансы выпустить эти наработки до того, как это сделала оригинальная компания в Вейле, но это не было уже его делом.

Надеюсь, у мужчины не будет слишком больших финансовых трудностей из-за этого. Извини, Рашем, но судьба всего Ремнанта зависит от моего успешного путешествия в Вейл.

Сбор денег занял несколько минут. Жон надежно спрятал наличность под свою накидку, затем отсчитал немного от общей суммы и положил ее в мешочек снаружи, прекрасно осознавая какая огромная сумма у него сейчас на руках, уж больно заинтересованные выражения были у тех, кто находился поблизости. Некоторые из самых накаченных мужиков слегка пошевелились, явив миру рукояти разнообразного оружия.

Жон встретил их взгляды своими голубыми глазами, твердыми, как лед. Они отступили. Они найдут более легкую добычу или пожалеют о своих действиях. Он не был самым крутым охотником в округе, но он мог постоять за себя. Больше всего на свете у него была развита терпимость к боли, это было закономерным итогом, когда все, кого он знал, могли — и надирали ему задницу на тренировках. Некоторые головорезы, привыкшие иметь дело с безобидными гражданскими лицами, сильно удивятся его навыкам, возможно даже летально.

Сделка была заключена и Жон, отступил в толпу, памятуя о тех, кто был вокруг него, почувствовал на периферии, что кто-то таки последовал за ним. Это не был кто-то от Рашема, он искренне сомневался, что этот человек кого-то послал за ним. Он не был похож на

нечестного торговца. Честно говоря, он выглядел слишком взволнованным своей покупкой, чтобы заботиться о ее стоимости.

Следящий за ним человек был слишком неуклюж, недостаточно изворотлив. Хороший грабитель обычно мог правильно прочитать и идентифицировать знаки, которые дает его жертва, он был в своей одежде воина пустыни и с мечом на боку. Любой, кто достаточно хорош, чтобы подобное не вызывало смущения, не мог бы быть настолько некомпетентным в слежке.

Это означало, что он имел дело с любителем или с кем-то настолько уверенным в себе, что он не заморачивался всякими ухищрениями. Даже если это был любитель, это не было хорошей новостью. Хороший вор просто попытается ограбить тебя. Вор-любитель может запаниковать и воткнуть нож тебе под ребро. Пирра предупреждала его об этом. Не про воров в частности, но про бойцов, которые полагались на случайные атаки и резкие телодвижения, а так же насколько они могут быть опасны, если ты не воспримешь их всерьез.

Прямо сейчас, когда его друзья были в зоне прямой доступности Жон не хотел ничего оставлять на волю случая. Он нырнул в переулок и проследовал по нему до следующего поворота, занырнув за угол. За ним следовал топот ног, набирающий темп, чтобы не потерять его. Жон ждал, пока преследователь не приблизится к нему и не завернет за угол, чтобы набросится на неуклюжего сталкера.

Его кулак успешно поразил ничего, пролетев гораздо выше над агрессором, чем он ожидал. Тот испуганно вскрикнул, но не растерялся и пользуясь моментом, влез в кошелек, который Жон носил поверх накидки.

Только скорость охотника позволила ему спохватиться и поймать вора за запястье, притянув назад к себе, чтобы схватить его за плечо и развернуть лицом к себе. Его аура защитила его от ботинка, вонзившегося в голень. Даже если бы ее не было, он сомневался, что это бы что-то дало. Это был просто ребенок. За ним следил и попытался ограбить кто-то, кому было максимум семь или восемь лет.

Паранойя Жона медленно угасала, адреналин исчезал. Он отодвинул мальчика подальше от себя, пользуясь своим преимуществом более длинных рук, чтобы не дать ногам шкета добраться до него. Судя по хвосту, он был каким-то фавном, а волосы были того же оттенка, что и его собственные. Пацан был оборванным и худым, в одежде, которая ему едва подходила. Она, вероятно, была украдена или найдена. Он вовсе не был угрозой и вероятно, не был достаточно наблюдателен, чтобы осознать, насколько это опасное приключение — ограбление охотника.

Мне действительно нужно прекратить реагировать на каждую мелочь, как будто весь мир состоит из одних врагов. С таким настроением кого-то прибить случайно. Жон вздохнул и покачал головой. Подобные инстинкты не позволят ему легко устроиться в Биконе. Ему действительно нужно успокоиться.

«Отпусти!» — вор кричал, пиная его ногами. «Отпусти! Я честно это украл. Это теперь мое!»

Но сначала он должен был разобраться с этой мелочью. Жон вздохнул и поднял фигуру вверх, так, чтобы они были с глазу на глаз, но немного на расстоянии друг от друга, достаточном что бы нога мальчика не познакомилась с его лицом. «Я не совсем уверен, что именно так работает кража».

Вор уставился на него ярко-голубыми глазами. «Ну, почему бы и нет? Просто дай мне мои деньги и я пойду. Таким образом, мы оба будем счастливы. Я не хочу быть грубым с тобой, старик».

«Старик?» Даже до того, до путешествия во времени, он вряд ли был достаточно стар, чтобы называться взрослым, не говоря уже о том, что откликаться на старика. Однако он не мог не почувствовать жалость к мальчику. Он был худой и жилистый и это выглядело абсолютно ненормально. Так много гримм вокруг, что некоторые дети в конечном итоге остаются сиротами. Люди пытаются что-то с этим делать, но что с того? В мире слишком много жестокости.

Он выпустил запястье мальчика и позволил ему сделать шаг назад. Тот не побежал и снова смотрел на кошелек Жона. Было очевидно, что он все еще ищет возможность урвать свой куш.

«Что бы ты сделал с этими деньгами?»

Мальчик что-то пробормотал себе под нос.

«Сделал что?»

«Я бы купил еду», — смущенно повторил мальчик. «В приюте ее всегда не хватает, а мои друзья голодны». Его глаза вспыхнули, и он внезапно стал защищаться. «И что с того, мужик? Как ты догадываешься, я тоже должен есть. Ты прекрасно это понимаешь!»

Он это не понимал. Несмотря на все ужасные вещи, через которые он прошел, бездомность никогда не была технически одной из них. Даже когда он был голоден с Руби, Реном и Норой, все они были голодны и делились тем, что имели. Он возможно потерял все, но он никогда не знал людей, которые не имели ничего для хоть какого-то старта.

Пацан был в шоке, когда Жон отцепил кошелек и бросил его в него. Он был так потрясен, что кошелек отскочил от его щуплой груди и упал на землю со звоном. «Там ровно тысяча», — сказал Жон. «Распорядись ею с умом и не позволяй никому узнать, что у тебя появились деньги. Кто-то может попытаться их отнять у тебя».

«Мне не нужно это говорить», — пробормотал мальчик. Он упал на колени и поднял мешочек. Он поднес его к груди, явно боясь, что добрый незнакомец может передумать и потребовать

деньги обратно. Мешок выпирал в крошечных руках мальчика и это наглядно показало, насколько он худой. «Большие дети не получают от меня ни монетки, старик. Они мне нужнее. А-а ты может не так уж и плох», — признался он. «Для человека».

«Да, но, может быть, ты подумаешь о другом способе получить льены в будущем. Ты явно не готов быть карманником».

«Что ты имеешь в виду?!» Малышу как-то удалось выглядеть обиженным, надувая свою маленькую грудь, это может быть выглядело бы пугающе, если бы только он был в два раза выше и раза в три шире. «Я лучший чертов вор в округе!»

Это было странно знакомо. Глаза Жона сузились, но он покачал головой. «Хороший вор не был бы пойман», — отметил он.

«Сам дурак!»

Жон улыбнулся и покачал головой. Тысяча льен не имела для него большого значения на данный момент и если это поможет этому пацану найти лучшую жизнь или, по крайней мере, просто нормально есть в течение нескольких месяцев, то это были не зря потраченные деньги.

«Как твое имя?» — спросил Жон.

«А кто спрашивает?»

«Жон», — сказал он. «С таким же успехом ты можешь сказать мне свое. Как еще я буду помнить главного вора Вакуо?» Он пошел на лесть, слишком хорошо зная, какое влияние она оказывала на него самого в детстве.

«Черт возьми, старик. Я величайший карманник во всем Вакуо». Фавн ударил кулаком по груди и рассмеялся. «Ты будешь помнить день, когда тебя ограбил Сан Вуконг!»

У Жона перехватило дыхание. «К-как ты сказал, тебя зовут?»

Мальчик зубасто улыбнулся и эта улыбка была той, которую он мог вспомнить в любой день. Это была улыбка одного из его самых близких друзей. Теперь это было лицо кого-то, кому не могло быть больше семи лет.

«Меня зовут Сан Вуконг».

<http://tl.rulate.ru/book/67040/1778464>